

Научная статья

УДК 821.161.1.09«19»

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.51.3.04

**К ВОПРОСУ
О ДИАЛОГЕ М. БУЛГАКОВА С В. ВЕРЕСАЕВЫМ:
«ЗАПИСКИ ЮНОГО ВРАЧА» И «ЗАПИСКИ ВРАЧА»
КАК ДВА ВАРИАНТА «ВРАЧЕБНЫХ ЗАПИСОК»
В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА**

Чжу Цзыцзин¹,Кольцова Наталья Зиновьевна²

¹ Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне,
Шэньчжэнь, Китай,

^{1,2} Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
Москва, Россия,

¹ zzy1996@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0003-1767-9216>

² koltsovaru@rambler.ru, <https://orcid.org/0009-0001-8571-4808>

Аннотация. Врачебная проза в силу своей специфичности и уникальности оказывается на перекрестке стилевых и жанровых исканий русской литературы. В первой трети XX века ее развитие тесно связано с именами писателей В. В. Вересаева и М. А. Булгакова, произведения которых при несомненном родстве обнаруживают радикальное несовпадение в сфере поэтики. Сопоставительный анализ «Записок» двух писателей важен с точки зрения постижения алгоритмов создания русской врачебной прозы. Различия (в том числе и в жанровой сфере) между произведениями Булгакова и Вересаева предопределены прежде всего ориентацией создателей на разные типы и стадии реализма в русской литературе. Вересаев — преемник реализма в его «первом изводе» — традиций натуральной школы, сохранявших актуальность и в конце XIX века. Булгаков — последователь неореализма 1910-х годов, наследующий модернизм в сфере мифопоэтики и нового подхода к проблемам психологического анализа. Вересаев, верный установкам «реального направления» в искусстве, раскрывается скорее как социолог, а не психолог: рефлексия вересаевского врача представляет собой метания мысли, а не подспудную работу подсознания. Булгаковский утонченный психологизм подготовлен русской психологической прозой XIX века и художественной революцией XX столетия. Художественное своеобразие текста обусловлено индивидуальными свойствами каждого автора: наличием (у Булгакова) или отсутствием (у Вересаева) смеховой интонации. В булгаковском цикле можно обнаружить различные проявления комического — от забавного на уровне ситуаций и характеров до речевого комизма.

Ключевые слова: врачебная проза, В. Вересаев, М. Булгаков, поэтика, реализм, неореализм, психологизм, комизм.

Для цитирования: Чжу, Цзыцзин, Кольцова, Н. З. (2023). К вопросу о диалоге М. Булгакова с В. Вересаевым: «Записки юного врача» и «Записки врача» как два варианта «врачебных записок» в русской литературе первой трети XX века. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 3(51), 40–49. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.51.3.04>

Original article

UDC 821.161.1.09«19»

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.51.3.04

**ON THE QUESTION
OF THE DIALOGUE BETWEEN M. BULGAKOV AND V. VERESAEV:
«NOTES OF A YOUNG DOCTOR» AND «NOTES OF A DOCTOR»
AS TWO VARIANTS OF «MEDICAL NOTES»
IN RUSSIAN LITERATURE OF THE FIRST THIRD
OF THE TWENTIETH CENTURY**

Zhu Zijing¹,Natalia Z. Koltsova²

¹ Shenzhen MSU-BIT University,
Shenzhen, China,

^{1,2} Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia,

¹ zzej1996@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0003-1767-9216>

² koltsovaru@rambler.ru, <https://orcid.org/0009-0001-8571-4808>

Abstract. The prose of doctors, by virtue of its specificity and uniqueness, finds itself at the crossroads of the stylistic and genre quests of Russian literature. In the first third of the XXth century, its development was closely connected to the names of such writers as V. V. Veresaev and M. A. Bulgakov, whose works, while undoubtedly related, reveal a radical divergence in the field of poetics. A comparative analysis of the two writers' Memoirs is important from the point of view of the algorithms of Russian medical prose creation. The differences between Bulgakov's and Veresaev's works (including differences in genre) are determined by their authors' vectors towards different types and stages of realism in the Russian literature. Veresaev is the successor to Realism of the «first generation» abiding by the tradition of the natural school, which still held sway in the late 19th century. Bulgakov is a follower of the neo-realism of the 1910s, which inherited the modernist approach to mythopoetics and the new approach to psychological analysis. Veresaev, who was faithful to the tenets of the «real movement» in art, is more of a sociologist than a psychologist: Veresaev's reflection is presented as a contemplation full of thought rather than the work of the subconscious. Bulgakov's exquisite psychologism was informed by the Russian psychological prose of the 19th century as well as by the artistic revolution of the 20th century. There is no doubt that the artistic uniqueness of the text is also conditioned by the individual properties of each author: one of the marked differences between the two works is the ever present (in Bulgakov's work) or absent (in Veresaev's) laugh tone. Bulgakov collection makes it possible to trace various comic signs, from the level of situations and characters to comic verbalism.

Keywords: medical prose, V. Veresaev, M. Bulgakov, poetics, realism, neorealism, psychologism, comicism.

For citation: Zhu, Zijing, Koltsova, N. Z. (2023). On the question of the dialogue between M. Bulgakov and V. Veresaev: «Notes of a young doctor» and «Notes of a doctor» as two variants of «medical notes» in Russian literature of the first third of the twentieth century. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 3(51), 40–49. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.51.3.04>

Введение

Тесные творческие и человеческие отношения связывали В. В. Вересаева и М. А. Булгакова, их общение началось в 1923 году и продолжалось многие годы. Тема диалога двух писателей не раз становилась предметом внимания ученых: по словам М. Чудаковой, булгаковские «Записки» были начаты под влиянием успеха «Записок врача» В. В. Вересаева (Чудакова, 2007, с. 258); Л. Трубецкой полагает, что произведение Булгакова следует рассматривать как своего рода спор с вересаевскими «Записками» (Трубецкой, 1993, с. 254); Trautmüller обращает внимание на сходства и различия между образами врачей у двух авторов (Trautmüller, 2010, с. 251); М. С. Штейман посвящает свой труд проблеме традиции и новаторства в творчестве двух врачей-писателей (Штейман, 2005, с. 292); исследование А. В. Капина сосредоточено на контрасте между изображением земских врачей (Капин, 2015). Согласно мнению Л. М. Яновской, текст Булгакова полемичен по отношению к вересаевским запискам — между ними существует связь и противостояние (Яновская, 1983, с. 39). Л. В. Савушкина и И. В. Грузнова анализируют портрет врача в произведениях двух писателей в контексте нравственной проблематики (Савушкина, Грузнова, 2018). Проблемы диалога двух писателей-врачей и врачебной прозы в той или иной степени касались М. Я. Каган-Пономарев (Каган-Пономарев, 2007), Т. С. Бурьгина (Бурьгина, 2013), М. В. Игнатенко (Игнатенко, 2017) и др. Тема булгаковского вклада в развитие врачебной прозы, на наш взгляд, получила наиболее полное освещение в работах Е. А. Яблокова, изучившего мифопоэтическую природу «Записок юного врача» (Яблоков, 2002).

Л. Яновская в книге «Творческий путь Михаила Булгакова» обращает внимание на жизнеутверждающий тон булгаковской книги, контрастирующий с пессимистичной тональностью вересаевских «Записок». С ее точки зрения, нельзя говорить «о художественном противостоянии» двух писателей, поскольку «Записки врача» — публицистика, а «Записки юного врача» — «полнокровная и образная проза» (Яновская, 1983, с. 39). Цель настоящей работы: выявить различия между двумя произведениями именно в сфере поэтики — прежде всего потому, что и тот и другой текст относится к художественной литературе, но, безусловно, к литературе разного рода и разного стиля.

Методология исследования

При решении поставленной проблемы доминирующим методом изыскания стал сравнительно-сопоставительный анализ «Записок» двух писателей с точки зрения художественного своеобразия произведений; также задействованы биографический и культурно-исторический методы литературоведческого исследования. Материалом для научного поиска послужили «Записки врача» В. В. Вересаева и «Записки юного врача» М. А. Булгакова.

Ход исследования

«Записки» двух авторов принадлежат разным эпохам: вересаевский текст опубликован в 1901-м, булгаковский — в 1925 году; один сформирован эстетикой XIX,

другой — XX столетия, уже усвоившего уроки Серебряного века. И все же только временным водоразделом радикальные различия в мировоззрении двух авторов и поэтике их произведений объяснить вряд ли удастся. Например, Бунин был немногим младше Вересаева, но уже в ранней прозе проявил себя как художник нового времени, которого многие литературоведы относят к неореалистам. «Называть меня реалистом, значит... не знать меня как художника» (Ржевский, 1953, с. 3), — подчеркивал Бунин в письме Л. Ржевскому (23.08.1951), когда тот в одной из своих рецензий определил Бунина как реалиста. Свое мнение по этому вопросу Ржевский высказывает в статье «Памяти И. А. Бунина»: «Нет, конечно, Бунин никогда не был “продолжателем” русского классического реализма, — разве лишь его крестником. ...Бунин был новореалистом, в творчестве которого классические традиции подверглись значительным изменениям: он субъективизирует реалистический метод — творческий отбор и творческое выражение» (Ржевский, 1953, с. 4). Н. М. Солнцева, оппонировав Т. Т. Давыдовой, считающей, что неореализм как течение внутри модернизма сформировался в 10-е годы XX века, полагает, что в творчестве Бунина и Куприна «неореализм проявился чрезвычайно ярко» (Солнцева, 2011, с. 4).

По мнению авторов данной статьи (в вопросах хронологии неореализма разделяющих точку зрения Т. Т. Давыдовой), Бунин скорее предтеча, если не учитель тех, кто выдвинулся на литературную авансцену в 1910-е годы и сознательно выстраивал свою поэтику на путях синтеза реализма и модернизма, — писателей И. С. Шмелева, Б. К. Зайцева, А. М. Ремизова, А. Н. Толстого, Е. И. Замятина (первое поколение неореалистов, по мнению Т. Т. Давыдовой). Однако и для следующего поколения неореалистов, расцвет творчества которых приходится на 20-е годы XX века (в том числе и для Булгакова), бунинский опыт чрезвычайно важен. Так, В. Катаев удивился, узнав, что Булгаков, как и он, бунинец, т. е. приверженец бунинской поэтики и эстетики (Чудакова, 1988, с. 304). Удивление Катаева можно понять: если Бунин для него художник XX столетия, то Булгаков, пришедший в литературу позже, — традиционалист, наследник XIX века. Подобная оценка, очевидно, объясняется булгаковским неприятием авангарда (в 20-е годы XX века авангард — это идеологически заряженное, ангажированное искусство), но в целом она до определенной степени справедлива, более того, инициирована самим писателем (амплуа консерватора, классика Булгаков подчеркивал внешним обликом, неизменно делая пробор в волосах и надевая галстук-бабочку). Булгаков действительно пребывал в нескончаемом диалоге с А. С. Пушкиным, Н. В. Гоголем, Л. Н. Толстым. Для него был важен и опыт Ф. М. Достоевского. Однако видеть в Булгакове наследника исключительно XIX столетия, безусловно, нельзя: не принимая авангард, он являлся ярчайшим представителем модернизма, непопулярного и объявленного в 1920-е годы старомодным стилем (с точки зрения писателей советской России).

Традиционализм Булгакова совершенно иного рода, чем архаизм Вересаева. Несмотря на то что в тексте Вересаева упоминаются и Л. Н. Толстой, и И. С. Тургенев, отнюдь не они — мастера русской психологической прозы второй половины XX века — оказали решающее воздействие на мировоззрение и стиль создателя «Записок врача». Очевидно, ему было близко отношение к искусству основателей и продолжателей традиции натуральной школы с ее программой изображения социальных типов, фактов жизни и пр., что и дает основание Л. Яновской проводить его текст по разряду публицистики. Думается, именно «архаичная» манера Вересаева, верного традициям натуральной школы, заслоняет в его текстах проявления художественности (но не отменяет их).

Интересно, однако, что Н. М. Солнцева видит в Вересаеве неореалиста, развивающего традиции Л. Н. Толстого (Солнцева, 2014, с. 1–16). На наш взгляд, восприятие толстовского «тона бесконечности» и концепция «живой жизни» еще не дают оснований относить Вересаева, преданного традициям XIX века, к неореалистам (как верно заметила сама Солнцева, умение показывать бытие через быт отличает и Л. Н. Толстого). Думается, если что-то и роднит писателя с поэтикой нового столетия, то это все та же отверженность натурализму, — но уже в ином, первичном, значении этого слова: на смену физиологии города, данного в его социальном измерении (что и есть основа самого репрезентативного жанра натуральной школы — физиологического очерка), приходит собственно физиология — натуралистические подробности и детали, воссоздающие жизнь тела. И в этом аспекте Вересаев, пожалуй, гораздо более откровенен и беспощаден, чем Булгаков: последний бережет чувства читателя и даже при воссоздании самых шокирующих сцен (ампутации ноги и пр.) в последний момент дает возможность «отвести взгляд», подобно опытному оператору, отводящему камеру.

Кроме того, Булгаков широко использует метафору и отстранение, с одной стороны, укрупняющих масштаб трагедии, с другой — создающих эстетическую дистанцию между тем, с чем практикующий врач сталкивается ежедневно и что в итоге для него становится обыденным и привычным, и тем, к чему рядовой читатель чаще всего не готов (к созерцанию язв, увечий и пр.). Наиболее показательный пример — рассказ «Звездная сыпь», в котором позорная болезнь подается сквозь призму взгляда не только врача, но и художника. К совмещению высокого и низкого читатель XX века был уже приучен эстетикой авангарда (в целом, повторимся, глубоко чуждого Булгакову), однако писатель использует прием по-своему: травестия (вспомним Маяковского: звезды одновременно плевочки и жемчужины) в «Записках юного врача» оборачивается бурлеском (язвы — звезды). В мире Булгакова, как и в сказке, есть место жуткому, первобытно-страшному, но недопустимо приятие зла, привыкание к уродству, болезни — отсюда экстатическая интонация врача-воина, врача-рыцаря, бесстрашно сражающегося со смертью.

Юный врач Булгакова отличается от начинающего и тоже молодого врача Вересаева. Последний понимает, что черствость опытного доктора — необходимое условие профессионализма: «Нужно быть глухим к воплям оперируемого...» (Вересаев, 1961, с. 167).

Герои Булгакова (не только юный врач, но и его «воинство»: немолодые сторож Егорыч, фельдшер Демьян Лукич, акушерка Пелагея Ивановна) не привыкают к боли, не пытаются уберечь себя от душевных ран и мук, но защищают других, поскольку их долг — спасение мира. «Не отстояли?» (Булгаков, 2011, с. 124) — этим вопросом пожилая помощница встречает юного врача, вернувшегося от пациентки, умершей до его прихода. И высокая патетика здесь более чем понятна и оправдана: ведется нескончаемая битва, бой со злом. Параллели между домом-больницей и дворцом («Куда красивее дворца» [Булгаков, 2011, с. 123]) дополняются еще одной характеристикой: дом-крепость, форпост. Мир зла, болезни и смерти у Булгакова действительно спасается красотой — не случайно едва ли не в каждом рассказе тема красоты выходит на передний план и часто подается в фольклорной, простодушно-лубочной огласовке: «Только на конфетных коробках рисуют таких детей <...> Ангелов так рисовали» (Булгаков, 2011, с. 71). Защищая красоту, герой-рассказчик спасает мир, хотя есть рассказы, в которых побеждает смерть — вечная стужа, зима (образ мертвой невесты лежит в основе мифопоэтики «Вьюги»). Е. Яблоков подчеркивает, что сюжет записок может быть считан как погружение героя в «темный», или «нижний», мир (Яблоков, 2002, с. 23).

Беспощадному натурализму Вересаева-врача Булгаков-художник противопоставляет мир красоты, раскрывая таким образом основной конфликт всего своего творчества — схватку света и тьмы. И в булгаковских «Записках» свет — это не только красота, но и культура, знание, просвещение, поэтому в них педалируются мотивы лампы, огня, освещенного окна. Ранее уже подчеркивалось, что мифопоэтическая основа текста, выводящая ситуации из конкретных исторически-бытовых координат, придавая им вневременной характер, основательно изучена: например, в работах Яблокова особое внимание уделяется подтекстным мифологическим сюжетам (Яблоков, 2016). Очевидно, что мифопоэтическая природа булгаковских записок контрастирует с голым натурализмом Вересаева.

Вересаев раскрывается в качестве традиционалиста и в отношении к натурализму: неонатурализм с его обостренным восприятием эротики ему чужд (в отличие, скажем, от Замятина, своими повестями «Уездное», «На куличках», рассказом «Чрево» откликающегося на тему «зоологического» человека, живущего инстинктами, в том числе инстинктом продолжения рода). Вересаев отзывается на актуальную для рубежа веков тему пола не с позиции художника, а с позиции врача, мыслителя и гражданина. Например, рассказывая историю девушки, пришедшей на врачебный осмотр и вынужденной раздеваться перед молодыми мужчинами, он сосредоточен не столько на ее переживаниях, сколько на самой этической проблеме.

Будучи настоящим профессионалом, автобиографический герой Вересаева чутко реагирует на эмоциональное состояние пациента. Тема сочувствия, сопереживания человеку выходит на поверхность в «Записках». Но автор — художник Вересаев — в тексте не раскрывается как психолог: он не прибегает ни к толстовской диалектике души, поскольку констатирует готовое, уже определившееся состояние врача и пациента; ни к художественным приемам Достоевского, непревзойденного мастера в изображении сдвинутого, смещенного сознания. При том что юный доктор Вересаева постоянно колеблется между утверждением и отрицанием, сомневаясь не только в себе, но и в науке, в медицине, в возможности помочь человеку, его рефлексия напоминает метания мысли, а не подспудную работу подсознания. Иррациональным движениям души нет места в художественном пространстве «Записок» — и в этом сказывается мощнейшая прививка позитивизма. Булгаковский утонченный психологизм, подготовленный русской психологической прозой XIX века и художественной революцией XX столетия, включает в себя богатый арсенал всех видов анализа личности. Например, использование онейротехники обогащается и усиливается музыкальными средствами: уже здесь можно обнаружить универсальный булгаковский прием оформления диалога или полилога (и даже внутреннего спора героя с собою) как оркестровой и оперной партитуры, предполагающей распределение голосов-партий: «...усталость напевала: “Ложись ты спать...”» (Булгаков, 2011, с. 21).

«Вторичный язык» (З. Г. Минц), или язык культуры, выводит булгаковский текст за пределы жанра записок, заданного названием. Интертекстуальный план булгаковского текста существенным образом отличается от вересаевского: аллюзии на произведения А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя, Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского наряду с оперными и театральными реминисценциями (каватина Фауста из оперы Ш. Гуно звучит уже в первом рассказе цикла), а также евангельские мотивы и фольклорные образы и сюжеты работают на подтекст. Если герой Вересаева — типичный разночинец, получивший прививку шестидесятничества, то булгаковский автобиографический герой — человек

светский. В анамнезе юного доктора, очевидно, домашнее воспитание, книги (не только научная и профессиональная литература, но прежде всего художественные произведения классиков), драматический и оперный театр. Вкусы начинающего врача Вересаева вполне сопоставимы с базаровскими; при том что в тексте упоминаются классики русской литературы (Тургенев и Толстой), реминисцентный фон произведения все же формируют отсылки к работам медиков, ученых: «Частной хирургии» Тильманса, «Гинекологии» Шредера, «Диагностике и терапии при угрожающих опасностью болезненных симптомах» Луи Блау и т. д.

И все же едва ли не первое отличие, бросающееся в глаза при сопоставлении двух произведений, — наличие (у Булгакова) или отсутствие (у Вересаева) смеховой интонации. Безусловно, сам жизненный материал, положенный в основу «медицинских» текстов двух авторов, не располагает к веселью. Беззаботному смеху, казалось бы, нет места в мире боли и беспросветного отчаяния, и текст «Записок врача» подтверждает это. Вересаев верен традициям шестидесятничества XIX столетия, традициям, закрепленным некрасовскими строчками «Еще стыдней в годину горя // Красу долин, небес и моря // И ласку милой воспевать...». Трагическому и серьезному на протяжении всего текста сопутствует соответствующая тональность — от высокого пафоса гражданственности, готовности к подвигу и служению до гневной, обличительной интонации. Вересаевское слово, слово гражданина и оратора прежде всего прямое высказывание, публицистически заостренное и не допускающее мерцания смыслов.

В булгаковском цикле можно обнаружить различные проявления смеха — от забавного на уровне ситуаций и характеров до речевого комизма. Один из рассказов, «Тьма египетская», полностью построен на использовании различных видов комического. Сюжет переводит трагическую тему невежества, дикости в комедийный план: добродушный и, на первый взгляд, все понимающий пациент оказывается на пороге смерти по причине собственной «сообразительности», подсказавшей ему ускоренный метод лечения (курс прописанных ему лекарств он решил сократить до одного приема).

Писатель не злоупотребляет средством, которое, казалось бы, легко мог использовать, — не пересказывает анекдотические ситуации, коих, безусловно, немало в памяти каждого (и даже юного) врача, и причиной отказа от выигрышного алгоритма является не только природный такт, но и профессиональная этика, верность врачебной клятве.

Разумеется, комическое неотделимо от героического: не шадя себя, не боясь показаться смешными, герои пытаются рассеять мрак, одолеть смерть: «Потянулась пеленою тьма египетская... А идет моя рать...» (Булгаков, 2011, с. 152). В высоком регистре звучат и строки воззвания к юному коллеге-читателю: «Привет, мой товарищ!» (Булгаков, 2011, с. 228).

Заключение

Сопоставительный анализ произведений двух писателей дает представление о разных модификациях русской врачебной прозы: с одной стороны, выдержанной в сугубо реалистических традициях натуральной школы, а с другой — написанной в стилистике неореализма, предполагающей ориентацию на синтез реализма и модернизма.

Радикальные различия между двумя «врачебными» текстами отчетливо проступают на уровне жанровой доминанты. Даже по объему текста (у Вересаева — единое довольно крупное полотно, у Булгакова — короткие рассказы, объединенные в цикл) видно, насколько серьезно подходит к решению проблем Вересаев, приученный литературой

XIX века соотносить глобальные вопросы с формой романа, и прежде всего романа социально-психологического. Безусловно, и булгаковский цикл по форме тяготеет к этой наиболее авторитетной для русского читателя жанровой модели. Более того, «Записки» и в том и в другом случае обнаруживают родство с романом воспитания: посвящение в профессию не может не считываться как своего рода обряд инициации. Однако для Булгакова важна традиция короткого рассказа — динамичного, занимательного, совершенного в своей завершенности, и в этом проявляется опыт не только Пушкина, мастера короткой новеллы, но и — прежде всего — Чехова. Ориентация на чеховский опыт в булгаковском цикле сказывается и в тональности, которую во многом определяет мягкая ирония, неотделимая от самоиронии, и в способах создания образа врача, и в организации хронотопа (исполненный надежд юный врач не может не ассоциироваться с молодым земским доктором Старцевым, еще не увязшим в пошлости провинциального быта, еще не превратившимся в Ионьча).

И все же при всех различиях на уровне установок, писательских задач, категорий художественности Вересаева и Булгакова объединяет главное — верность идеалам русской интеллигенции, неприятие невежества, дикости и мракобесия. Честность и искренность, вера в свет разума, готовность к самопожертвованию, взыскательность и требовательность к себе и деликатность по отношению к другим — все это ставит двух очень разных по природе и силе дарования авторов в один ряд с А. П. Чеховым — писателем и врачом, имя которого является прецедентным не только в связи с реабилитацией малых жанров в русской прозе, но и в связи с феноменом врачебной прозы.

Список источников

1. Булгаков, М. А. (2011). *Записки юного врача*. Фолио.
2. Бурыгина, Т. С. (2013). О роли медицинской профессии в жизни и творчестве врачей-писателей. *Вестник науки Сибири. Серия: Филология. Педагогика*, 4(10), 200–203.
3. Вересаев, В. В. (1961). *Собрание сочинений*: в 5 т. Т. 1. Повести и рассказы. Записки врача. Правда.
4. Игнатенко, М. В. (2017). Жанр «врачебной прозы»: феномен профессионального письма. В Г. Ю. Гуляев (Ред.). *Научные достижения и открытия современной молодежи* (с. 756–760). Сборник статей II Международной научно-практической конференции, Пенза, 12 ноября 2017 года: в 2 ч. Ч. 2. Наука и Просвещение.
5. Каган-Пономарев, М. Я. (2007). *Литераторы-врачи: Очерки и подходы с приложением библиографического словаря*. Дашков и К.
6. Капин, А. В. (2015). Доктор Булгаков в цикле рассказов «Записки юного врача». (2023, 17 июля). *PRODLENKA*. <https://www.prodlenka.org/metodicheskie-razrabotki/136489-doktor-bulgakov-v-cikle-rasskazov-zapiski-jun>
7. Савушкина, Л. В., & Грузнова, И. В. (2018). Этический портрет врача в произведениях В. Вересаева и М. Булгакова. В П. В. Сенин (Отв. за вып.). *XLVI Огаревские чтения* (с. 630–634). Материалы научной конференции: в 3 ч. Ч. 3. Гуманитарные науки. Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева.
8. Ржевский, Л. (1953). Памяти И. А. Бунина. *Грани*, № 20, 3–8.
9. Солнцева, Н. М. (2011). Предисловие. В Т. Т. Давыдова. *Русский неореализм. Идеология, поэтика, творческая эволюция* (с. 2–9). Флинта.
10. Солнцева, Н. М. (2014). Философский контекст неореализма. В Е. А. Певак (Ред.). *Стефанос: Русская литература и культурная жизнь. XX век* (с. 1–16). Интернет-энциклопедия.
11. Чудакова, М. О. (1988). *Жизнеописание Михаила Булгакова*. 2-е изд. Книга.
12. Чудакова, М. О. (2007). *Новые работы: 2003–2006*. Время.

13. Штейман, М. С. (2005). В. Вересаев и М. Булгаков (Проблема традиции и новаторства). *Вестник Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина. Вып. 9. Филологическая серия*, 287–294.
14. Яблоков, Е. А. (2016). «Воет в трубе, истинный Бог, как дитя...» (Мифопоэтика рассказа М. А. Булгакова «Стальное горло»). *Славянский альманах*, (1-2), 237–253.
15. Яблоков, Е. А. (2002). *Текст и подтекст в рассказах М. Булгакова («Записки юного врача»)*. Тверской государственный университет.
16. Яновская, Л. (1983). *Творческий путь Михаила Булгакова*. Советский писатель.
17. Traumnüller, K. H. M. (2010). *По следам Гиппократа — образ героя-врача в произведениях А. П. Чехова и В. В. Вересаева*. Wien.

Библиографический список

1. Белозерская-Булгакова, Л. Е. (1990). *Воспоминания*. (Сост. и послесл. И. Белозерского). Художественная литература.
2. Бабореко, А. (2009). *Бунин: жизнеописание*. 2-е изд. Молодая гвардия.
3. Лихтенштейн, И. Е. (2012). Михаил Афанасьевич Булгаков: врач и писатель (15.05.1891–10.02.1940). *Новини медицини та фармації*. (2023, 17 июля). <http://www.mif-ua.com/archive/article/34278>
4. Пономарева, Е. В. (1999). *Новеллистика М. А. Булгакова 20-х годов* [Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Екатеринбург].
5. Тан, Мэньвэй. (2016). *Образ героя-интеллекта в русской литературе 1920–1930-х гг.: литературная метрополия и диаспора: диалог с опытом китайской литературы 1950–1960-х гг.* [Диссертация ... канд. филол. наук: 10.01.01. Москва].
6. Troubetzkoy, L. (1993). Récits de deux médecins: Veresaev et Bulgakov. *Revue des Études Slaves*, 65, 253–262.

References

1. Bulgakov, M. A. (2011). *Notes of a young doctor: Folio*. (In Russ.).
2. Burygina, T. S. (2013). On the role of the medical profession in the life and work of doctor-writers. *Vestnik nauki Sibiri. Seriya: Filologiya. Pedagogika*, 4(10), 200–203. (In Russ.).
3. Veresaev, V. V. (1961). *Collected Works*: in 5 vols. Vol. 1. Novels and Stories. The memoirs of a physician. Pravda. (In Russ.).
4. Ignatenko, M. V. (2017). The genre of «medical prose»: the phenomenon of professional writing. In G. Y. Gulyaev (Ed.). *Scientific achievements and discoveries of modern youth* (pp. 756–760). Collection of articles of the II International Scientific and Practical Conference, Penza, November 12, 2017: in 2 parts. Part 2. Nauka i Prosveshchenie. (In Russ.).
5. Kagan-Ponomarev, M. Ya. (2007). *Medical writers: Essays and approaches with the application of a bibliographic dictionary*. Dashkov i K.
6. Kapin, A. B. (2015). Doctor Bulgakov in the cycle of short stories «Notes of a Young Doctor». (2023, July 17). *PRODLENKA*. <https://www.prodlenka.org/metodicheskie-razrabotki/136489-doktor-bulgakov-v-cikle-rasskazov-zapiski-jun> (In Russ.).
7. Savushkina, L. V., & Gruznova, I. V. (2018). Ethical portrait of a doctor in the works of V. Veresaev and M. Bulgakov. In P. V. Senin (Rev. for issue). *XLVI Ogarev readings* (pp. 630–634). Materials of the scientific conference: in 3 parts. Part 3. Humanities. National Research Ogarev Mordovia State University. (In Russ.).
8. Rzhovsky, L. (1953). In Memory of I. A. Bunin. *Grani*, No. 20, 3–8. (In Russ.).
9. Solntseva, N. M. (2011). Preface. In T. T. Davydova. *Russian neorealism. Ideology, poetics, and creative evolution* (pp. 2–9). Flinta. (In Russ.).
10. Solntseva, N. M. (2014). The Philosophical Context of Neorealism. In E. A. Pevak (Ed.). *Στεφανος: Russian Literature and Cultural Life. XX century* (pp. 1–16). Internet Encyclopedia. (In Russ.).

11. Chudakova, M. O. (1988). *A Biography of Mikhail Bulgakov*. 2nd ed. Kniga. (In Russ.).
12. Chudakova, M. O. (2007). *New works: 2003–2006*. (In Russ.).
13. Steiman, M. S. (2005). B. Veresaev and M. Bulgakov (The Problem of Tradition and Innovation). *Vestnik Yelets State University named after I. A. Bunin. Vol. 9. Philological Series*, 287–294. (In Russ.).
14. Yablokov, E. A. (2016). «Howling in the trumpet, the true God, like a child...» (Mythopoetics of M. A. Bulgakov's story «The Steel Throat»). *Slavic Almanac, (1–2)*, 237–253. (In Russ.).
15. Yablokov, E. A. (2002). *Text and subtext in M. Bulgakov's stories («A Young Doctor's Notebook»)*. Tverskoj gosudarstvennyj universitet. (In Russ.).
16. Yanovskaya, L. (1983). *The creative path of Mikhail Bulgakov*. Sovetskij pisatel'. (In Russ.).
17. Traummüller, K. H. M. (2010). *In the footsteps of Hippocrates — the image of the hero-doctor in the works of A. P. Chekhov and V. V. Veresaev*. Wien. (In Russ.).

Bibliography

1. Belozerskaya-Bulgakova, L. E. (1983). *Memories*. (Comp. and afterword. I. Belozersky). Hudozhestvennaya literatura. (In Russ.).
2. Baboreko, A. (2009). *Bunin: biography*. 2nd ed. Molodaya Gvardiya. (In Russ.).
3. Lichtenstein, I. E. (2012). Mikhail Afanasyevich Bulgakov: doctor and writer (15.05.1891–10.02.1940). *News of medicine and pharmacy*. (2023, July 17). <http://www.mif-ua.com/archive/article/34278> (In Russ.).
4. Ponomareva, E. V. (1999). *M. A. Bulgakov's novellistics of the twenties* [Abstract of the dissertation for the PhD (Philology): 10.01.01. Ekaterinburg]. (In Russ.).
5. Tan, Manwei. (2016). *The Image of the Hero-Intelligent in Russian Literature of the 1920s–1930s: Literary Metropolis and Diaspora: a dialog with the experience of Chinese literature of the 1950s–1960s*. [Dissertation for the PhD (Philology): 10.01.01. Moscow]. (In Russ.).
6. Troubetzkoy, L. (1993). Récits de deux médecins: Veresaev et Bulgakov. *Revue des Études Slaves*, 65, 253–262.

Информация об авторах

Чжу Цзыцзин — аспирант кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета Университета МГУ-ППИ в Шэньчжэне, Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

Наталья Зиновьевна Кольцова — кандидат филологических наук, доцент кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

Information about the authors

Zhu Zijing — PhD Student at the Department of Modern Russian Literature and Contemporary Literary Process of the Faculty of Philology, Shenzhen MSU-BIT University; Lomonosov Moscow State University.

Natalia Z. Koltsova — PhD (Philology), Associate Professor at the Department of Modern Russian Literature and Contemporary Literary Process of the Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University.

*Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflict of interest.*